

Гаршина Екатерина Александровна

**ЛЕКСИКА С ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ СЕМАНТИКОЙ В РОМАНЕ И. А. БУНИНА
"ЖИЗНЬ АРСЕНЬЕВА"**

В работе описана актуализация лексики с временной и пространственной семантикой в художественном тексте И. А. Бунина, рассматривается роль времени и пространства как когнитивных категорий лингвистики. Основное внимание автор акцентирует на терминах "хронотоп", "авторское сознание", "временная константа", "пространственная координата", используемых при комплексном анализе лексики в произведении И. А. Бунина.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/12-1/17.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 12 (30): в 2-х ч. Ч. I. С. 67-69. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 808.2:801.54.12

Филологические науки

В работе описана актуализация лексики с временной и пространственной семантикой в художественном тексте И. А. Бунина, рассматривается роль времени и пространства как когнитивных категорий лингвистики. Основное внимание автор акцентирует на терминах «хронотоп», «авторское сознание», «временная константа», «пространственная координата», используемых при комплексном анализе лексики в произведении И. А. Бунина.

Ключевые слова и фразы: хронотоп; пространственная лексика; темпоральная (временная) лексика; язык писателя; художественное пространство; художественный текст; контекстуальные синонимы; символика слова.

Гаршина Екатерина Александровна*Липецкий государственный педагогический университет**zobova_katya@mail.ru***ЛЕКСИКА С ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ СЕМАНТИКОЙ
В РОМАНЕ И. А. БУНИНА «ЖИЗНЬ АРСЕНЬЕВА»©**

Время и пространство – важнейшие категории культуры, образующие систему координат, в рамках которой возникают и развиваются мифология, религия, искусство, наука. Очевидна роль данных категорий при лингвистическом и литературоведческом анализе художественного текста.

В центре внимания нашего исследования – художественное пространство и время, которые характеризуются как неотъемлемые элементы авторского сознания. В современной науке, благодаря междисциплинарным исследованиям (Д. С. Лихачев, М. М. Бахтин, Ю. М. Лотман, П. А. Флоренский, Б. Рассел и другие), художественное пространство и время рассматриваются исторически, структурно и функционально. При определении спаянности времени и пространства в художественном тексте мы опираемся на понятие «хронотоп», заимствованное из естественных наук и введенное в литературоведение М. М. Бахтиным [3].

Лингвистика изучала время преимущественно в качестве грамматической категории, и лишь недавно время стало рассматриваться как когнитивная категория, как один из элементов языковой картины мира, как составляющая лингвокультурного знания и понимания того или иного народа.

В целом активно разрабатывается тема отражения в языке темпоральных представлений с помощью разнородных языковых средств (Л. П. Клименко – 1973; В. В. Морковкин – 1977; З. Я. Тураева – 1979; С. В. Столбунова – 1983; И. А. Тарасова – 1989; А. В. Бондарко – 1990; Л. В. Аскарлова – 1992 и другие).

В историческом и функциональном аспектах временную семантику как выражение языковой ментальности изучают Г. В. Звездова [5], А. С. Львов («Повесть временных лет»), Т. А. Лисицына (XVIII в.).

Особо значимое для писателей мифопоэтическое представление о времени и пространстве воплотилось в ряде мифологем, которые последовательно используются в литературе в качестве устойчивых образов. «Эти образы, связанные с членением как времени, так и пространства, метафорически представляют жизнь человека, ее определенные кризисные моменты, его искания на грани «своего» и «ужого» миров, воплощают движение, указывают на его предел...» [2, с. 59]. «Без исследования взаимообусловленности и взаимосвязи времени и пространства внутренний мир героев, характер их отношений с обществом будет выявлен неполно» [1, с. 294]. Исходя из этого, проведем комплексный анализ пространственных и временных номинаций в романе «Жизнь Арсеньева», предположив, что на языковом уровне время и пространство в исследуемом произведении двуедины по своей сути.

Начало произведения, представляющее младенчество Арсеньева, фиксирует пространство через номинации и словосочетания: «деревня», «косогором, видимым в окно на юг», «пустынные поля», «одинокая усадьба среди них», «овраги». Тесное переплетение пространственно-временных ориентиров высвечивает противопоставление номинаций «глубина», «даль», «широкий», «бездонное», которые выражают идею открытости, безграничности пространства.

Выражение «младенчество текло среди этого всего» сопоставимо с устойчивым оборотом «время текло», лексема «среди» указывает на нерасторжимую связь номинации «младенчество» и слов, характеризующих пространство: «Почему же остались в моей памяти только минуты полного одиночества? Вот вечерет летний день. Солнце уже за домом...» [4, с. 12]. Глаголы «помню», «вспоминаю», «вижу» аккумулируют в себе сему «память»; временную семантику носят номинации «вечер», «вечереет», «солнце уже за домом». Так, пространственная характеристика текста фиксируется с помощью временных ориентиров.

Конструкции «радостей, пережитых на земле», «минут, проведенных в том краю», «время в этом мире» и другие подчеркивают соположение времени и пространства в тексте.

Пространственные номинации «пруд», «равнины», «степи», «пашни», «город», «площадь», «вокзал», «дорога», «кладбище», «пустырь», посредством которых совершается описание отрочества и юности героя,

свидетельствующие о периодах его жизни на хуторе, в родном поместье и, в последствии, за его пределами, отягощены временной семантикой: «По вечерам в такие дни город багрово пылал, дымился и вонял площадки» [Там же, с. 92]. В данном контексте мы наблюдаем взаимодействие темпоральных лексем «вечера», «дни» с пространственной лексемой «город»; «Вот сентябрь, вечер. Я брожу по городу» [Там же, с. 94]; повествуя о месте («город»), автор уточняет время суток («вечер») и время года («сентябрь») [Там же, с. 314].

Как показывает лексика романа, время и пространство в их тесном сплетении выводят повествование на индивидуально-авторский уровень прочтения произведения. Так, в тексте произведения «Жизнь Арсеньева» гидроним *Днепр* предстает не просто как река, а как исторически-памятное место, свидетельствующее о времени Крещения Руси: «свержение Перуна в Днепр при общем народном плаче» [Там же, с. 322].

Если отрочество Арсеньева протекает в городе (обучение в гимназии) и, в период каникул, в родовом поместье Батурино, то юность ознаменована разлукой с родным домом и проходит в странствиях, с попеременным пребыванием в русских городах (роман изобилует топонимами *Орел, Харьков, Севастополь, Москва* и другими).

Номинация «юность» как взросление и становление имплицитно выражает значение «прощание с домом», связана с номинациями «путь, дорога», «перемены в судьбе». Физическое реальное странствие Арсеньева по России на поезде одновременно предстает как мысленное путешествие в прошлое древней России, в виду чего мы приходим к выводу о преимуществе прошлого времени как ведущей категории в романе над настоящим и будущим. Неслучайно большинство исследователей творчества И. А. Бунина считают «Жизнь Арсеньева» автобиографическим произведением: «Роман –Жизнь Арсеньева. Юность» является как бы квинтэссенцией авторства, вбирает в себя черты того типа авторства, который мы и называем –И. А. Бунин». В романе писатель «конструирует» себя – прошлого, юного, но уже в соответствии с представлениями зрелого периода жизни» [6, с. 50].

Сквозь призму времени в произведении рассматриваются дворянская усадьба, пространство поместья Арсеньевых; не стали исключением и образы древних русских городов и поселений, лаконично объединяемые повествователем в целостное пространство старой Руси и дореволюционной России.

В свою очередь, лексика с пространственным содержанием (топонимы, гидронимы и другие номинации) в исследуемом нами произведении глубоко насыщена временным значением. Целесообразность данной мысли выясняется при обращении к отдельным главам романа, в которых встречается описание городов Черноземья, поселений «подстепья», включая город Елец, отдельных исторических мест Елецкого, Орловского, Воронежского краев.

Так, в первых двух главках второй книги романа мы находим упоминание о деревне Становой и указание на исторические события разных эпох, связанные с этой местностью: «...этими местами шел когда-то с низов на Москву и по пути дотла разорил наш город сам Мамай...» [4, с. 51]. Пространственная координата «деревня» получает темпоральное наполнение в контекстном сочетании с лексемами «еще», «недавно», «бывшей», «когда-то», «потом», антропонимом «Мамай», местоимением «сам» в положении препозиции. Имя собственное «Мамай» вызывает ряд культурно-исторических ассоциаций, вскрывая глубинные смысловые слои текста. Топоним «деревня Становая» предстает в нескольких временных планах: прошлом и далеком прошлом.

Отдельные главы второй книги романа посвящены описанию старого русского города, прототипом которого явился город Елец Липецкой области: «...он и впрямь был одним из самых древних русских городов...» [Там же].

Темпоральную семантику описываемой в романе номинации «город» аккумулируют лексемы «времена», «старина», «теперь», фразама «с утра до вечера», словосочетание «самый древний». Период жизни города в эпоху Киевской Руси раскрывают топонимы «княжество Суздальское», «княжество Рязанское», современную герою бытность Ельца воссоздают топонимы «Москва», «Волга», «Рига», «Ревель» в единой связи с глаголом настоящего времени «торгует». Устойчивое выражение «течет поток», заключающий в себе сему «движение», имплицитно выражает движение времени и людей в нем.

Временная семантика лексемы «город» высвечивается в описании рассказа главного героя: «Смоленск вечно горел в старину, вечно его осаждали <...> там когда-то, при каком-то страшном пожаре, погорели какие-то древние грамоты нашего рода, отчего мы лишились каких-то больших наследных прав и родовых привилегий...» [Там же, с. 335]. Повторное употребление лексемы «вечно» (в значении «то и дело, постоянно, часто»), неопределенные наречия «когда-то», «какие-то», «каких-то», глагол «лишились» указывают на неточную осведомленность сообщаемого о времени передаваемых событий.

На страницах бунинского романа нередко возникает противопоставление далекого прошлого и настоящего: «Я шел как очарованный в этой толпе, в этом столь *древнем*, как мне казалось, *городе*, во всей его чудной *новизне* для меня» [Там же, с. 337]. В характеристике прошлого времени преобладает положительный оценочный компонент, и, в противоположность первому, неодобрительная оценка дается настоящему времени: «Я заходил в библиотеку. Это была старая, редкая по богатству библиотека. Но как уныла была она, до чего никому не нужна! Старый, заброшенный дом, огромные голые сенцы, холодная лестница во второй этаж, обитая по войлоку рваной клеенкой дверь...» [Там же, с. 313].

Для бунинского повествования свойственно опосредованное описание пространственного объекта. Так, образ «коренного» русского города Орла дан в произведении через портрет его жителя – известного дворянина: «...Палицын: слава Орла, один из столпов его, один из тех зубров-чудаков, которыми искони славится Россия: стар, родовит, друг Аксакова, Лескова, живет в чем-то вроде древнерусских палат, бревенчатые стены которых покрыты редкими древними иконами» [Там же, с. 324]. Семантику прошлого (исторического времени) заключают в себе лексемы «столп», «зубр» (в метафорически-переносном значении «редкое вымершее животное»), устаревшее наречие «искони», краткие прилагательные «стар», «родовит», определения

«древнерусские», «бревенчатые», «редкие», «древние», архаичная номинация «палата» и относящаяся к церковной лексике номинация «икона».

Елецкий филолог и краевед С. В. Краснова показывает в своих исследованиях, что в бунинских описаниях Ельца и его окружи в романе «Жизнь Арсеньева» проступают ритмы древнерусских летописей, то есть история увидена автором под углом зрения вечности [7, с. 161].

В VII главке второй книги выразительно вырисован облик елецкого монастыря: «Я мысленно вижу, осматриваю город. Там, при въезде в него, – древний мужской монастырь <...> времен Алексея Михайловича» [4, с. 64]. Определение «древний», номинация «времена» и антропоним «Алексей Михайлович» в одном предложении воспроизводят временной план феодальной эпохи. Пространственная номинация «монастырские ворота» предстает в тексте сразу в нескольких временных планах: время древней Руси передают лексемы «древнерусские» и устаревшая церковная лексика: «створы», «святители», «хартии», «епитрахлях», «писание», «лики»; пласт настоящего времени передан глаголами «стоят», (все) «проходит»; на будущее время указывают словосочетания «будут все также стоять», «будет время», «не будет нас» и, наконец, самый объемный пласт лексики, описывающей прошлое время, создают лексемы «были написаны», «сколько лет», «сколько веков уже нет их», «все пройдет».

Таким образом, анализ темпоральной и пространственной лексики романа показывает, что в основе процесса концептуализации пространства преобладает авторское стремление акцентировать его связь с историей.

Основным принципом построения времени и пространства в исследуемом романе следует считать синкретизм лексем с пространственной и временной семантикой. В рассматриваемом художественном тексте создается достаточно целостный образ пространства, в котором доминирует идея «своего».

В изучаемом романе И. А. Бунина пространство на языковом уровне осмысливается через категорию «прошлое», что, безусловно, определяет специфику произведения И. А. Бунина как романа-экскурса, романа-воспоминания.

Список литературы

1. **Ануфриев А. Е.** Утопия и антиутопия в русской прозе первой трети XX века. Эволюция. Поэтика: дисс. ... д. филол. н. М., 2002. 381 с.
2. **Арнацкая Т. А.** Образы-хронотопы рассказов И. А. Бунина (1937-1940 гг.) // Научные труды молодых ученых-филологов IX. Сборник МПГУ. М.: Литера, 2010. С. 59-63.
3. **Бахтин М. М.** Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. 234 с.
4. **Бунин И. А.** Жизнь Арсеньева: роман, рассказы. М.: Сов. Россия, 1991. 320 с.
5. **Звездова Г. В.** Русская именная темпоральность в историческом и функциональном аспектах. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1996. 144 с.
6. **Карпов И. П.** Проблемы типологии авторства в русской прозе конца XIX – начала XX века (И. Бунин, Л. Андреев, А. Ремизов): дисс. ... д. филол. н. М., 1998. 418 с.
7. **Краснова С. В.** «Самый город... гордился своей древностью и имел на то полное право // Елецкая быль. Краеведческий сборник. Липецк, 1994. Вып. 1. С. 153-172.

VOCABULARY WITH SPACE-TIME SEMANTICS IN I. A. BUNIN'S NOVEL «THE LIFE OF ARSENEV»

Garshina Ekaterina Aleksandrovna
Lipetsk State Pedagogical University
zobova_katya@mail.ru

The article considers the vocabulary actualization with time and space semantics in I. A. Bunin's fiction text, the role of time and space as the linguistics cognitive categories is scrutinized. The author accents the main attention on the terms «chronotope», «author's consciousness», «time constant», «space coordinate» used during the vocabulary complex analysis in I. A. Bunin's work.

Key words and phrases: chronotope; space vocabulary; temporal vocabulary; writer's language; literary space; fiction text; contextual synonyms; word symbolism.